

ЧЕШСКАЯ ЗВЕЗДА

З4

Литературный журнал

25.02.2016 КАРЛОВЫ ВАРЫ

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

- ЛАНА АЛЛИНА Зимняя память леса 3
- о. ИОАНН ТУНГУСОВ Вера и Россия или Настя, ползи! (повесть) 4
- ТАТЬЯНА ШАММА-ДОЛИНИНА стихи 6
- АЛЕКСАНДР КАБИДОВ стихи 7
- АНАСТАСИЯ БОЛГАНОВА Проклятье 8
- МАРЬЯМ РАВИЛОВА Материальная культура 8
- МАРЬЯМ РАВИЛОВА Музыкальная фантазия 9
- АЛЕНА ГЕРШФЕЛЬД Сладкая история с горьким привкусом 10
- ТАТЬЯНА ТРУБНИКОВА Леденцы 11
- МИХАИЛ ПЕРЛИН Поднять себе настроение 12
- ЮЛИЯ ЛОЩИННАЯ Бабочка 13
- ОЛЬГА ФЕР Чем пахнет Таджикистан 14
- КЛАВДИЯ НОВИ На кромке макового поля 16
- ТАТЬЯНА КУЗЬМЕНКО О дружбе 17
- ПЕТР ЦЫПЛАКОВ Слово о сокрытом Свете 19

Оформление журнала - Святополк

Редакционная коллегия журнала приглашает авторов к сотрудничеству

- Принимаем на рассмотрение прозаические и поэтические работы любого объема с их дальнейшей публикацией на страницах журнала «Чешская Звезда».
- Осуществляем публикацию и помощь в реализации книг на территории Чешской Республики и Евросоюза.

Телефон редакции: **+420 353 223 292**

Электронные почты:

nick@czechskazvezda.net

czechskazvezda@seznam.cz

Адрес для почтовых отправлений:

Vítězná 37/58, Karlovy Vary, Drahovice 360 01 Česká republika

Адрес редакции:

Horova 2017/12, č. k. 219, Karlovy Vary, 360 01 Česká republika

По вопросам размещения рекламы обращаться по телефону: **+420 353 223 292**

или по электронной почте: skleneny.mustek@seznam.cz

Моё писательское, творческое имя – Лана Аллина. Мое настоящее имя Светлана Князева. Писатель, лектор, аналитик, автор ряда публицистических статей в журналах научного и научно-популярного профиля. Много лет работаю доцентом крупнейшего московского вуза – РГГУ (Российский государственный гуманитарный университет). Член Российского союза писателей, кандидат в члены Интернационального союза писателей. Номинирована на соискание литературных премий «Писатель года – 2014-2016», «Наследие – 2015-2016», «имени Сергея Есенина «Русь моя 2016». Автор романов «Воронка бесконечности» (Москва, 2013) и «Вихреворот сновидений» (выходит из печати в издательстве "Чешская звезда" в феврале 2016 г.)

Отрывок из романа «Воронка бесконечности»

...А погода стояла – нет, не просто яркая, солнечная. Там, у здания пансионата, снег начинал таять, с крыш закапало. А здесь, в лесу, сумасшедшая от счастья зима торжествовала, заходясь от восторга по каждому, даже незначительному, поводу – просто потому, что она такая красивая, здоровая, вечно молодая, – и звучала на самой высокой ноте. Вот как бывает, оказывается! Иногда начинаешь по-новому, отчетливее, глубже, острее чувствовать окружающее тебя настоящее.

Да, ленивая, сонная у человека душа. Что же нужно, чтобы она проснулась и начала замечать, как прекрасен этот мир? Интересное дело? Дружья? Любимый человек рядом?

Золотисто-оранжевое солнце излучало радость, оно смеялось, ослепляло. Пыхало, струилось, поливало золотым светом мачтовый лес, добираясь до самых дальних его уголков. Солнце разбаловалось, играло с солнечными зайчиками, подбрасывало их на верхушки высоченных сосен, пускало пучками сверкающие лучи на свежую лыжню, на лесную тропинку, убегающую лесом к старым дачам, наполняя ярко-золотым маревом, переливая его через край, глубокий овраг, отделявший лес от старой академической Мозжинки¹. Снег искрился, весело поскрипывал, вкусно хрустел под ногами, точно поджаристая хлебная корочка за обедом. В воздухе разливался свежий аромат только что нарезанного на кусочки спелого арбуза.

Жадными глотками, обжигая горло, я пила горячий золотой напиток, которым гостеприимно угощало меня солнце. Напиток этот лез в уши, в глаза, проникал под кожу – я просто захлебывалась им!

Мир вскипел однажды.
Он запыхал и не погас...
Люди не готовы к Вечере Святой
И в этот раз².

Странно, много-много лет не вспоминала любимую мелодию, и стихи эти совсем забылись, а теперь, вдруг... Растревоженная солнцем и радостью, боясь разбудить послеполюденную тишину, я замедлила шаг, чтобы снег не так хрустел под ногами, и принялась тихонько, вполголоса, с удовольствием напевать старую итальянскую песню, на ходу меняя, переставляя слова. Ноги сами несли по лесной тропинке, бегущей в Мозжинку среди заснеженных деревьев. В теле ощущалась непривычная легкость, почти невесомость: сверкающий лес излучал непонятную живительную силу. Хотелось петь, смеяться... И внезапно, точно яркая вспышка, промелькнуло забытое, очень давнее – из детства, из другой жизни? – теплое, золотисто-оранжевое воспоминание... сверкающие косые солнечные лучи-столбики... Я точно знала: там жило счастье... Но когда это было, где я видела тот золотисто-оранжевый счастливый мир – не могла вспомнить.

Зато тревога, давящая, зажимающая, не дававшая покоя с самого утра, неожиданно отпустила, и стало светло, легко, радостно.

1 Мозжинка - старый подмосковный академический дачный поселок, место отдыха советских академиков. Позднее некоторые дачи взяла на определенное время в аренду Академия Наук и разместила академический пансионат, пока не было построено отдельное здание.

2 Строчка из стихотворения автора Ланы Аллиной «Мы мудрей!»

Я постояла на старом деревянном мосту, перекинутом через глубокий овраг, на дне которого вился, клубясь, захлебываясь паром, небольшой, в самую стужу не замерзающий ручей. Вдоволь налюбовавшись строгим, торжественным видом этого величественного альпийского пейзажа подмосковной Швейцарии, послушав её гулкую, пронзительную тишину, продолжила путь и скоро оказалась в старом заснеженном парке Мозжинки.

Академические дачи встретили меня оглушительным молчанием, от которого заложило уши: вероятно, зимой сюда приезжали редко. Внезапно вспомнилось, как весело я проводила здесь время очень давно, отдыхая на одной из дач, когда в них еще располагался пансионат. Как это было давно! Страшно вспомнить!

...Мир ожил, наполнился странно знакомыми, причудливыми звуками, заиграл дивными яркими красками. Послышались звонкие, полные радости, беззаботные молодые голоса, музыка, громкий смех... И – ой! Кто-то запустил снежком прямо мне в спину, попал точно между лопаток, игриво засмеялся, схватил за руку... Почудилось – зовет по имени: «Ну что ты там копаешься? Пошли скорей к речке – на санках с горы кататься!...»

Обернулась – конечно, нет! Кругом тихо. Пусто. Ни души. На залитой солнцем заснеженной дорожке парка – никого. Это было в другой жизни.

Просто – зимняя память леса. Просто воспоминания нахлынули такие неподдельно живые, отчетливые, искрящиеся, как снег в парке Мозжинки. И на секунду показалось: я вернулась в прошлое, в давно ушедшие морозные дни, где правила бал радость, жило счастье, осталась юность.

...Солнце, лес, замерзшая запотевшим зеркалом речка. Февраль выдался холодный, снежный – высокие сугробы намело кругом. Снежки, катание на коньках по льду речки, на лыжах по лесной лыжне, санки по вечерам после кино, мороз, румяные, пылающие от мороза и полудетской радости щеки, жаркое дыхание рядом, слетевшие на снег шапки, перепутавшиеся волосы... Тепло большого зала – и партия в бильярд, а музыка гремит, и танцы до упаду, флирт, смех, пары, поцелуи в темных – и не очень – уголках... А поздними вечерами или уже ночью – серьезные разговоры об Овидии, о Платоне, о греческой философии, выший пилотаж крылатых римских изречений, и обязательно на латыни – кто больше назовет! Ну и болтовня ни о чем, а во тьме ночной разговоры о сокровенном, о мальчиках, о Любви...

Ожили, задвигались, подступили, опалили тени прошлого. Вернулись, заговорили на разные голоса забытые друзья-товарищи тех давних дней. Золотисто-оранжевый флер растекался по старому парку...

Дорожка привела меня к двухэтажному белому особняку – старинному, с колоннами и бельведером. Когда-то здесь располагались столовая пансионата, администрация, кинозал, бильярдная... Как весело мы проводили там время по вечерам! В том кинозале я посмотрела еще черно-белый французский фильм «Супружеская жизнь». Трогательный фильм, пронзительный, оглушающий – он запомнился на всю жизнь. Как странно, как трагично: неужели любящие люди не могут научиться слышать и слушать друг друга? Неужели нежелание понять даже самого близкого человека заложено в самой человеческой сущности?

Бьющая фонтаном, переливающаяся через края радость. Встреча с юностью...

Б. ИВАНН ТУНГУСОВ

ВЕРА И РОДУСИЯ или НАСТА, ПОЛЗИ?

Продолжение повести, начало в номерах 31-33

5

Алёна Евсеевна приехала в Н-ский городской Дом культуры за полчаса до оговорённого времени. Рудаков её встретил, приметив ещё издали, и проводил в концертный зал, вежливо указав место председателя жюри. Знакомясь, и перебрасываясь приветственными репликами с его остальными членами, Алёна Евсеевна поняла, что некое деление выступивших коллективов всё же решили оставить, но только на лауреатов и дипломантов. «Что ж, пусть будет так», – сказала про себя она и приготовилась слушать и смотреть.

Конкурс в Н-ске не стал исключением из общего правила, царящего на подобных конкурсах. Выходят коллективы, сменяя один другого... Какие-то лучше поют, какие-то хуже... но главное не это. Главное – никто из детей на сцене не живёт!

Все поют, отрабатывают то, чему их учили какое-то время хореографы, хормейстеры, музыкальные руководители. И всё. Поэтому, приходилось оценивать скорее умение педагогов вкладывать различные навыки в своих учеников и не более.

Кто сумел это сделать лучше – давали по соглашению всех членов жюри лауреатов, кто менее в этом деле преуспел, получали звание дипломантов конкурса. Велись незначительные обсуждения и моя знакомая, как председатель, утверждала общее мнение. В результате все остались довольны.

Рудаков издали наблюдал за Рассказовой, пытаясь раскусить, а если не получится, то хотя бы лучше запомнить мимику, жесты, манеру держаться человека, внутренний мир которого ему не был понятен. Вот она надела приличествующую её положению маску, а вот сейчас, в начале выступления очередного ансамбля, промелькнула тень внимания к сцене...

Улыбки, кивки головой при общении с коллегами, всё выглядело по большей части привычно, за исключением редких нюансов, списанных Рудаковым на неизбежную уникальность характера каждой личности.

Но вдруг всё переменилось. Рассказова, казалось, забыла о себе, о своём положении, и сделалась вся поглощённой сценой. Происходящее на ней оттянуло всё её внимание. Рудаков даже удивился, что это на нашей сцене могло настолько сильно привлечь московскую гостью? Семён повернулся к выступающим, хотя с его места и открывался не совсем удобный вид.

На сцене стоял коллектив, отличие которого бросалось в глаза. Разные по росту и возрасту, по костюмам и инструментам, которых почти и не было, но... с удивительно живыми лицами! Рассказовой впервые за этот день стало интересно смотреть на сцену. «О, это самый отстающий коллектив нашего района, – с сожалением сообщили коллеги. – Тут нечего смотреть».

Но взгляд председателя жюри оказался прикован к их выступлению от начала до конца.

Есть среди музыкантов такая хохма: «Если не умеешь играть, играй тихо». Ведомо или нет, но руководитель этого странного коллектива следовала такой установке, отдавая всё внимание детям. И те пели. Объединяемые любовью к педагогу. Они вышли за ней, и, казалось, ради неё.

Дети не демонстрировали себя, не пытались что-то изобразить, кого-то очаровать или понравиться. Они просто пели под баян, на

котором, как могла, играла их руководитель. И неважным оказалось отсутствие тщательно подобранных костюмов, инструментов и певческих голосов, репертуара. Их объединяла любовь к своей Анастасии Ивановне, которая так и лилась из их искренних сердец и чистых глаз...

После того как они запели и заиграли, председатель жюри пожалела, что на этом конкурсе нет первой премии. Дети жили своей песней, дышали той немного нескладной музыкой, которую рождали их голоса. Но, не смотря на эту нескладность, первую премию следовало бы отдать именно им! Потому что настоящая жизнь и есть песня, а не заученное её подобие.

– Это и есть первые лауреаты вашего конкурса, – сказала Алёна Евсеевна по окончании выступления Живого коллектива.

Были возражения, споры, веские аргументы против такого мнения, но председатель, настояла на своём решении без тени сомнения.

Рудаков, видя непривычное замешательство в жюри, поспешил узнать, в чём дело.

– Семён Ильич, помните наш телефонный разговор? – встретила его вопросом Рассказова.

– Смутно, а в чём дело-то? – слукавил Рудаков.

– Сейчас произошло именно то, о чём я вам говорила! Контраст разительный!

– Я заметил, – вставил Рудаков, – этот коллектив действительно выделяется на фоне остальных.

– Вот именно! – возобновила свою речь прерванная им Рассказова. – Мы имели счастье наглядно убедиться в губительности распространённого подхода. Если бы не они, не эти «Зяблики», мне даже нечего было бы привести в пример. Но теперь мои утверждения не могут быть для вас голословными.

– Я вас не понимаю... все пели хорошо, ну, если только этот, последний... – Семён замылся.

– А вот госпожа Рассказова считает по-другому, – вылезла вперёд ярко накрашенная дамочка из городского совета.

Рудаков перевёл взгляд с неё на Рассказову, после чего тот стал вопросительным.

– Да пойми те же вы, народная культура оттого и называется народной, что народ живёт ею! Нельзя проникнуться многовековыми пластами, изучая их в кружке по интересам, а потом идти жить своей обычной жизнью, которая порой вступает с этой культурой в явное противоречие.

И именно этот коллектив, именно эти дети, которые неказисты и выглядят не совсем приглаженно, именно они жили сейчас на сцене тем, о чём пели... и им, в отличие от нас, абсолютно всё равно, как мы их оценим и что скажем. Нет, конечно, им будет приятно наше слово доброе, но оно по большому счёту ничего в их жизни не поменяет... для них, судя по всему, слово их руководителя значит гораздо больше нашего... – Алёна Евсеевна перевела дух. – У них сегодня просто прошёл ещё один день в том духе, в котором они и так живут все дни жизни своей... и дух этот гораздо более сроден многовековым традициям нашего народа, чем тот, что мы видели сегодня в большинстве своём.

...Они настали, эти долгожданные, наполненные спасительностью мгновения, – пахнувшие хвоей и молодой зеленью – в тихой и теплой весенней ночи, с бездонным звездным небом, манящим высотой и недоступностью.

И вдруг – вспыхнули огоньки. Это широко распахнулись церков-

ные двери. Мои прихожане, бережно прикрывая ладонями трепетные свечные язычки, двинулись вокруг небольшого, с немалым трудом строящегося храма Сретения Господня. В руках хоругви, иконы.

А наверху, тоже в еще не полностью возведенной колокольне, звонили – женищина и мужчина – слаженно и ритмично. И величаво плыл над селом праздничный благовест. И, влетаясь в его звонкий, ликующий, радостно-стройный мотив – мощно и дивно звучало:

– Воскресение Твое Христе Спасе, Ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби, чистым сердцем, Тебе славити.

Горячая речь Рассказовой мало кого тронула, ибо отношение слушающих к происходящему слишком сильно было обременено усвоенными нормами и личными представлениями о происходящем.

Вечером, когда все выступавшие коллективы пригласили на вечерку, многие из ребят отказались прийти. У кого голова заболела, кто просто решил лечь спать, потому как вымотала дорога. Пришли немногие, да и те, казалось, сделали это по принуждению. Вечерка протекала вяло, пропитанная тем же казённым духом, что и накануне на сцене.

Где-то через час, когда зал почти опустел, внезапно погас свет. Никто не понял, что происходит... но вот зажётся яркий луч, направленный на зеркальный шар под потолком зала. Шар начал медленно вращаться, испещрив темноту осколками светового потока. Из стоявших у сцены колонок загремела дискотечная музыка: у-мца, у-мца...

Зал преобразился не только внешне. Вмиг он оказался наполнен совсем иным содержанием. Немногочисленные оставшиеся дети снимали с себя через голову народные рубахи и сарафаны, под которыми скрывался современный наряд: джинсы, брюки, блузки... На близкие сердцу звуки прибежали и остальные с «больными головами» и «хотящие спать».

Рассказова через некоторое время нашла Рудакова, который в задумчивости глядел в сверкающую темноту.

– Вот это их жизнь! – сказала она, кивая головой в сторону скачущих под современные ритмы детей, – а на сцене они просто отрабатывали то, что нужно было вам...

Семён сперва опешил, но затем его словно прорвало.

– Мне это не было нужно! – прокричал он сквозь грохочущую музыку в самое ухо Рассказовой, – мне бы понять как нужно, как должно быть!

– Знаете что, а приходите завтра ко мне, поговорим, – предложила Рассказова, уловив искренность в своём собеседнике, – позвоните мне с утра и днём можете приезжать.

Семён поблагодарил и предложил проводить Рассказову до выхода из ДК.

Освободился совсем уже ночью. Домой, в пустую квартиру, ехать не хотелось. И он решил сегодня переночевать в старом родительском доме.

«Что ж, ехать дальше, но зато переночую не один. С воспоминаниями...» Семён сел в машину и поехал за город.

Где-то через полчаса фары высветили заросшую травой ограду и вскоре Семён упёрся в дворовые ворота. Открывать их не стал, бросил машину возле них. Прошёл к крыльцу, отпёр старый амбарный замок, на который был заперт дом. Дверь с небольшим

трудом поддавалась, шаркнув по половицам сеней.

Семён на ощупь вошёл в хату. Подсветив спичкой, включил электрические пробки, и дом ожил, освещенный старой, с лёгкой паутиной на оранжевых абажурах люстрой. Но все равно, чего-то не хватало.

И следующим делом Семён взвёл ходики – еще дедушкины, с неугомонной кукушкой. Затем сел за круглый, накрытый вышитой скатёркой стол и стал глядеть на неугомонного свидетеля своего детства и юности – маятник. Началось мерное погружение в атмосферу своего прошлого. До слуха доносились странные, приглушенные, посторонние звуки – будто дом вздыхал или дышал по-своему, по-деревенски. Ведь почти сотенка ему, родимому. Вросшему почти по самые ставни в землю.

Семен уперся локтями в стол и обхватил своими помнящими мозолистый труд ладонями голову, наклонил ее – такая у него была привычка. И тотчас ранняя седая прядь упала на его глаза.

«Любовь, любовь... А с чем ее, скажите на милость, «кушают»? Под каким «соусом»? Или «кетчупом?»

– Но это так, к слову, шучу сам над собой, – проговорил он, усмехаясь, – но ведь талдычат на каждом углу о ней... Затерли, как монету старую. Причем по всякому поводу... Но кто ее – любовь настоящую – видел? Как она проявляется, эта таинственная бедолага? В чем? Да и как ее просто ощутить в обыденных житейских обстоятельствах – каким образом? Люди тысячелетия говорят о любви.

Но как воспитать в себе то, изначально, чистое, возвышенное, неискаженное понимание её? Ведь её подменяют на обыкновенную плотскую похоть и страсть. Вбивается именно этот образ тяжелой каждодневной кувалдой в молодые, неопытные головы. Через так называемые СМИ. Разврат – попросту сказать. Но, это, со временем, можно понять... Это шито «белыми нитками», а какая она – настоящая любовь?!

Так Семён предавался привычным за последнее время мыслям, но место, в котором он пребывал теперь, накладывало свой отпечаток. Он любил, особенно летом, приезжать в это всегда маящее родительское гнездышко. Грело оно его сердце. И вдруг вспомнилась мама.

Раз он, шепутной Сенька, теплым летним днем не заметил как-то, что ушел слишком далеко в лес. И заблудился. Туда, сюда пробовав идти, но вскоре наступила ночь, и ему пришлось заночевать под каким-то развесистым кустом. Страху натерпелся тогда, продрог здорово... Его искали почти всей деревней. Нашли почти через сутки. Голодного. Испуганного. Привели домой, накормили, сосед в баньке пропарил... Но отец все-таки не удержался – всыпал «по первое число». И хоть он, девятилетний пацан, чувствовал всю справедливость наказания, но в тот момент ему было так горько оттого, что его, нашедшегося, пришедшего наконец в родимый дом, отец встретил наказанием. И боль эта даже сейчас поднялась горячей волной в груди.

Следом же вспомнилось и другое. Как ласковые, натруженные, материнские руки, нашли его зарёванного, убежавшего в свой угол, где начали нежно гладить его голову, рыдающую спину, и вскоре он успокоился, ему стало хорошо и уютно, все горести прошедшего дня, отцового наказания были смыты тёплой баюкающей волной от материнского молчаливого понимания и сочувствия. И он крепко заснул.

Продолжение следует

Татьяна Шамма-Додина

ДРУГУ

А.А.

День водворяется нынче прекрасный...
Слышите, слышите звон?
Поступью ровною, лентою ясною
В сумраке ночи рожден.

Знаю сомненья твои роковые,
Изморось стелется вспять.
Дай же ланиты твои огневые
Дланью прохладной ласкать.

Исповедально сумерки щерятся,
В ночь норovia упасть.
Верною вестницей белою лестницей
Ты находилась влaсть.

Дай отереть эти жемчуга струи
С трепетных нежных ланит.
Знаю, была уж помянута всеу,
Слово нещадно разит.

Отпрыском, отроком, девою чистою
Наперекор будь.
Нежно покрой своей ласкою истовой
Чей-то чужой путь.

Пой же, играй же в захлеб заповедными
Звуками – тем, кто вхож.
Руки мелькают прутьями бледными –
Метают забытый грош.

* * *

И я должна покинуть этот дом,
Чьи отпрыски, отторгнуты от власти,
Свой вавилон уж не восставят в нем,
Покрыты ризницею розданные масти.

Мое терпение, как томная отрава,
Терзало исподволь, но стерни проторя,
Стопой пречистою их попирает нравы –
И я иду дорогой января.

Мои стези не стоили полушки,
И, расточительности аспида назло,
Я отпускаю всем, умолкли пушки.
В меня вросло простое ремесло.

Моя судьба – история, колышет
Сквозь едкий дым собой судьбу веков,
И мне во след скуластый ветер дышит.
Так принимай меня, суровый поздний кров.

Иди вперед, не скаредны объятья.
Пускай сочится, как вино из листьев сок,
Стяжая знаменья извечной гордой рати.
И голос радости опять стучит в висок.

* * *

Мне снился город в перезвоне сосен,
Резные дали в перестуке топора.
Нас здесь не ждали. Город метку бросил,
Размежевалась неприступная пора.

Мне снилось небо в перехвате окон –
Моя лазейка в перекате янтая,
Ложилась даль в тумана стылый кокон,
И отдавала дань расплывчато заря.

Здесь был предел, мы тут вращались в землю,
Дышала мерой сотворенных нег
Земля. Здесь душно жить и голоса не внемлют,
Здесь с призраком гуляет человек.

Здесь дань безлика, здесь слипались веки
В разливах, предвещающих рассвет.
Здесь каторжане бродят, словно вежи
Минулых дум – и тех в помине нет.

Огонь пристрастный, как уныло шел нам
Туманный облик в переливе рек,
Как суетились и в огни ныряли волны,
Так растворялись нам во след за веком век.

Мы не гонцы, нам признаки удушья
Не искажают вид и видимость веков.
Мы гордецы, и пристально послушны
Тому, что отвергаем вновь и вновь.

Мне снилось солнце, жизни вечный призрак,
Ей тщетно вторил город, тих и нем.
Нам не уйти, мы остаемся присно
В развалах города, уснувшего затем.

АЛЕКСАНДР КАБИДОВ

НОЧЬ

О ночь! Великая царица.
Перед тобою все равны,
Крыла расправив словно птица
Глядишь на нас и черноты.

Ты, повелительница грёз
Тебе не ведомы страданья
И утешительница слёз
Хранишь все тайные признанья.

Плеяды звёзд - твои глаза,
Миров скопленья, бесконечность,
Здесь яркой вспышкой звезда
Пронзив пространство, канет в вечность.

К тебе смиренным я приду
Когда пробьёт мой скорбный час
И может, за мою судьбу
Отпустишь душу в этот раз?

Благословляю твой престол!
За то, что ты была и есть,
За то, что боле не нашёл
Богов, которых искал здесь.

СЧАСТЬЕ

Нас, что-то привлекло друг в дружке
Быть может просто пустота,
На зависть миленькой подружке
В моей руке твоя рука.

Ханжи судачат за спиною
Для них мой возраст в горло кость,
А мы идём гулять с тобою
И счастливы, что всё сбылось.

Стучит по крышам мелкий дождик
От сплетен зонтик нас спасёт
И словно сказочный художник
Мне осень молодость вернёт.

ПОРТАЛ ВОСПОМИНАНИЙ

Уносит вихрь воспоминаний
Меня сквозь сумрачный портал,
Туда где своей милой маме
Я тёплых слов недосказал.

Не сгладить мне свои ошибки,
Не оправдаться перед ней,
Но доброта её улыбки
Навечно в памяти моей.

А прошлое, оно ведь рядом где-то
Лишь стоит за угол зайти,
Как сразу окунёшься в лето
К родному дому по пути.

Смеются весело ребята
Друзья из детства моего
И жизнь ещё судьбой не смята,
И не хороним никого.

ДОЖДИК

Бывает дождик разный
Весёлый, шумный, праздный,
Грибной, шальной и добрый,
А летом просто тёплый.

Бывает с ветром, градом
Грозой и снегопадом,
Бывает ледяной он
И даже очень злой, он.

Но дождик всем нам нужен
Люблю гулять по лужам,
В них облака летают
И пузырьки играют.

Анастасия Болганова

Ироклэйтэ

Теплая кожа покрывается мурашками. Живое тело источает пышущее пламя мощи, и бескрайность глубин знания. Давление внутри черепа постепенно доводит до состояния отчаянного сумасшествия. Пытаюсь расправить грудь, чувствую, как постоянная, ноющая боль в спине усиливается. Наливает кипящим огнем просевший от тяжести невидимого груза позвоночник. В ушах слышен хруст суставов. Закрывая глаза, я погружаюсь во мрак собственного безумия. Темнота прячет, защищает и пугает своим манящим забвением, спокойствием и уютом. Звуки вечернего города заключают в кокон волшебной обыденности, напоминают мне о безысходности и человеческой беспомощности. Я медленно встаю на ноги. Каждая попытка сделать шаг дается мне с трудом истощенного раба. Смотрю вниз с крыши старого здания. Сумерки окутывают пространство, ветер колышет волосы, щекошет ресницы, играет складками одежды в отблеске уже зажженных ночных фонарей. Сейчас я один. Собравшись с силами, я разрываю, покрывающую мое тело, пелену иллюзии. Грубая шелуха с тяжестью падает к моим ногам и, ударившись о твердую поверхность, растворяется пылью в мире надуманных границ. Теперь я в полной мере могу ощутить эту бесполезную, обременяющую силу. Ветер поддерживает меня, обволакивая теплую человеческую грудь невидимыми цепями прохлады, уверенностью в ре-

альности происходящего. Я чувствую, как боль в лопатках усиливается. Потoki воздуха омывают сильные, мощные и бесполезные куски ненавистной мне плоти. Уносят вдали посеревшие перья. Я расправляю крылья на ветру. Воспоминания сжимают сердце, пыгают, разрывая грудь изнутри. Сейчас я живой. Тело наполняет легкость.

Я вижу. Вижу настоящее, вижу пронзительно и безошибочно: время, души, мысли, мгновения, знаки. Я знаю. Я знаю истину. И давно уже познал глубину. Я слышу. Звуки. Я безграничен. И я бессилен. Я бесполезен. Я скован знанием и законом.

(За что? Почему ты не одурманил меня? За что?!)

Ночь открывает сокрытое. Беспощадно выдает горькие тайны. Не смотрите на меня. Не верьте в меня. Ибо я раб, недостойный нарушать вашу великую ложь и забвение.

Тяжелые крылья снова прилипают к спине, мешают двигаться, не дают откинуть голову, взглянуть мудрым звездам в глаза. Я должен идти.

Двери вагона закрылись. Люди вокруг расступились, ощущая давление невидимой ноши. Хриплый звук прошипел название следующей станции. И меня вновь затянуло в трясину, в этот душный лабиринт необратимого течения человеческой жизни.

Лучи утреннего солнца пробивались в кабинет сквозь кружевные шторы. Диас сидел за своим столом, рассеянно листая книгу. Он уже много лет изучал древние цивилизации и мечтал сделать в этой области что-то такое, что внесло бы действительно неоценимый вклад в науку. Эта мысль настолько поглотила его, что Диас почти всё время проводил в библиотеке либо на раскопках. Он также читал лекции в университете.

Раздался телефонный звонок. Это был его коллега И.:

– Диас, сегодня состоится открытие выставки, посвященной мезоамериканской культуре. Ты придешь?

– Да, разумеется! – вскричал Диас, несказанно обрадовавшись этой новости, несмотря на то, что довольно часто бывала подобных мероприятий. "Вдруг именно там случится что-то особенное!" – с восторгом подумал он.

После обеда Диас чуть ли не бегом отправился в Исторический музей, где и открывалась выставка. Его многочисленные коллеги уже были там. Выступал директор музея. Он рассказывал о том, как важно сохранять материальную культуру прошлого, как это помогает понять настоящее, и благодарил всех собравшихся.

Диас шёл по залу, с величайшим вниманием осматривая каждый глиняный горшок, каждое украшение, дошедшие до наших дней из глубины столетий. Все они сопровождалось подробными описаниями: что это; когда и где это было создано; когда, где и кем найдено. Диас не уставал восхищаться увиденным. Он тща-

тельно обдумывал, что можно взять за основу своего будущего научного открытия.

Раздался усиленный микрофоном голос директора:

– Внимание! – и под аплодисменты был вынесен огромный шоколадный торт. Представители научного сообщества ринулись в ту сторону, где он стоял. Диас последовал за своими коллегами. И тут случилось нечто ужасное: кто-то задел бесценную статуэтку из обсидиана, датированную первым тысячелетием нашей эры, которая стояла посреди зала и почему-то не была защищена стеклом. Статуэтка полетела в направлении пола и непременно разбилась бы, если бы Диас не заметил это и не кинулся ловить её. Он подпрыгнул с криком "О, нет!", протянул руку и схватил статуэтку, упав при этом на пол и подвернув ногу. Все застыли, а потом подошли к Диасу, чтобы узнать, всё ли с ним в порядке.

– Главное – материальная культура спасена, – сказал он, передавая статуэтку директору. И. стал помогать ему подняться.

Директор музея от души пожал Диасу руку и объявил:

– Мы будем рады вручить Вам почётную грамоту Исторического музея за Вашу невероятную храбрость в деле сохранения наследия великих цивилизаций прошлого. Торжественная церемония состоится завтра!

Коллеги аплодировали Диасу. Он лишь скромно улыбнулся.

– А теперь прошу к столу, – сказал директор и отрезал кусок торта.

Дело было в маленькой деревне на побережье, неподалёку от столицы. Население деревни – около двухсот человек. В основном это были рыбаки; кто-то работал в городе, возвращаясь домой на выходные. И жил среди них начинающий музыкант, мечтавший о поступлении в консерваторию. Звали его Эдуард.

Эдуард с детства учился играть на стареньком пианино. Днём он давал уроки всем желающим – в основном детям, а иногда и взрослым. По ночам он разучивал новые мелодии – вдохновенно играя ноту за нотой. В эти минуты Эдуарду казалось, что его окружают золотые и серебряные бабочки, оставляющие, летая, блестящий шлейф, который окутывал музыканта и его инструмент; весело звенели в такт музыке многочисленные колокольчики; с потолка сыпались нежнейшие фиалки. Всё это исчезало, едва появлялись первые лучи солнца. Тогда Эдуард завтракал водой с хлебом и принимал своих учеников. Во время урока он расхаживал по комнате, размахивал руками, подпрыгивал и хлопал в ладоши. Иной раз он даже видел, как ноты летают вокруг него – то юрко, то плавно, неспешно. Он начинал кружиться вместе с ними, чем приводил в недоумение ученика, который переставал играть, наблюдая за Эдуардом. Тот уже не обращал на него внимания и напевал "грам-пам-пам, трам-пам-пам". Наконец он присаживался на стул и говорил ученику:

– Спасибо, Вы свободны. До встречи на следующей неделе!

За неделю до предстоящего экзамена в консерватории юноша сидел в пивной с друзьями. Они несколько дней провели в море и вернулись с большим уловом. После обсуждения положения повседневных дел зашёл разговор об экзамене. Эдуард был уверен в успехе. Он живо описывал, какие чувства обуревали его во время игры на пианино.

– Это подобно бесконечному полёту! – восклицал он. – Всё кажется таким лёгким, воздушным, словно пушинки одуванчика!

– Прекрасно, – сказал один из его приятелей. – Мы знаем, что у тебя всё получится. Ты заслуживаешь самого лучшего, но прошу тебя, не забывайся там – это всё-таки экзамен.

– О, пусть это не беспокоит тебя, – ответил ему Эдуард.

Друзья расстались, и Эдуард направился домой. Уже стемнело. Начался дождь. Эдуард вымок до нитки. Несмотря на это, он не стал переодеваться в сухое, а сразу сел за инструмент. Он играл и

играл, и по комнате носились, звонко смеясь, маленькие феи; они заполнили всё пространство, от взмахов их крылышек поднялся ветер, и к утру Эдуард простудился. Считая, что это скоро пройдёт, он, как всегда, стал принимать учеников, которые исправно посещали занятия, хотя и находили своего преподавателя немногочисленным.

Вечером у Эдуарда поднялась температура. Он начал свои ежедневные упражнения, но не смог долго играть. Сетя на недомогание, он лёг спать, надеясь скоро поправиться. Но ему не удалось вылечиться ко дню экзамена. Друзья советовали ему остаться дома, но Эдуард и слышать об этом не желал.

– Ничто не остановит меня, – заявил он и, одев свой лучший костюм, поехал в консерваторию.

Четверо экзаменаторов сидели в небольшой аудитории за длинным столом. В ожидании своей очереди Эдуард ходил по коридору, напевая себе под нос композиции, которые собирался исполнять. Пришла пора ему проявить себя; он смело вошёл в аудиторию, поклонился экзаменаторам, сел за пианино и начал играть. Перед глазами у него проносились нотки, которые ободряюще улыбались ему, словно говоря: "Всё получится, у тебя всё получится". Эдуард завершил одно произведение и, не делая паузы, принялся играть другое. Экзаменаторы переглянулись, но решили его не останавливать. Эдуард продолжал играть. Он слегка повернул голову в сторону стола экзаменаторов и увидел за ним огромный скрипичный ключ. Он увеличивался и в конце концов заполнил собой всю комнату. Эдуард уже не понимал, на какие клавиши нажимает.

Тут один из экзаменаторов тихонько позвал юного музыканта; ему же показалось, что то был громогласный вопль. Эдуард перестал играть, вскочил, с ужасом огляделся вокруг и пулей вылетел из аудитории. Он бежал, не помня себя, и очнулся, когда встретил одного из друзей на дороге, ведущей в деревню.

– Эдуард, ну как ты? Как экзамен? – спросил тот.

– Экзамен?! Экзамен?! О!... – Музыкант опустился на землю и закрыл лицо руками. – Я не знаю, что со мной, дружище...

– Ты всё ещё болен. Не стоило идти на экзамен, мы же предупреждали, – покачал головой рыбак. – Пойдём отсюда.

И двое друзей вернулись домой.

Напоминаем, что приобрести книги нашего издательства Вы можете:

- в нашем офисе: Skleněný můstek s.r.o., Horova 12, 219, Karlovy Vary
- в магазине «DINO»: I. P. Pavlova 36, Karlovy Vary

Заказать по почте: Vítězná 37/58, Karlovy Vary 360 01, Česká republika

Приобрести наши книги в интернете можно на следующих ресурсах:

<http://eshop.czpress.cz/> <http://www.litres.ru> <http://svoy.ru/> <http://www.softsalad.ru>

<http://biblioclub.ru> <http://www.martinus.cz/> <http://www.martinus.sk/>

<http://knihy.abz.cz/>

Алена Гершфельд

Сладкая история с горьким привкусом

Рассказ опубликован в сборнике лауреатов и дипломантов литературных конкурсов "Триколор 2015" в номинации "Самый короткий рассказ" Союза писателей и переводчиков.

Девятиклассники толпились у кабинета русского и литературы. Звонок уже прозвенел, а учителя еще не было, и все надеялись, что урока тоже не будет. За время большой перемены многие не столько отдохнули, сколько расслабились. И кто только составляет эти расписания? Литература после большой перемены! Но у Клавдии Константиновны редко кому удавалось посибаритствовать! Железная Клава – так ее звали в школьных "кулуарах", была человеком бескомпромиссным и жестким, и многим это не нравилось.

Верка была из их числа. Сама она слыла человеком добрым, отзывчивым на чужое горе, любила читать русских классиков и в глубине души сожалела, что родилась во время брежневского социализма, а не в пушкинские времена. Книг в доме было много – заслуга мамы, которая сама в силу своей занятости не читала, но книги покупала, вернее доставала по великому благу. Ольга Петровна работала в отделе народного образования. Об этом в школе знали все, и не только учителя, но и одноклассники. Знали и немного побаивались, ведь ни одна проверка по итогам учебного года не обходилась без ее участия в составе комиссии. Были и такие учителя, которые заискивали перед Ольгой Петровной в лице самой Верки. Историк на перемене, как бы невзначай, проходя мимо, успевал с видом чреовещателя предупредить ее о том, что на следующем уроке будет спрашивать. Физичка, случайно встретившись с Веркиной мамой на совещании, взволнованно могла показать ей самостоятельную работу, сделанную Веруней еле-еле на тройку, но в школьном журнале по физике стояли одни пятерки. С учительницей географии вообще были особые отношения – там запросто можно было ничего не учить, пятерка в четверти рисовалась сама собой, географичка была подругой Ольги Петровны. Только вот с русским и литературой не повезло! Железную Клаву мало интересовали тылы своих учеников, поэтому спрашивала она со всех одинаково!

Опоздав на урок, она плавно приземлилась на свой учительский трон, разложила на столе классный журнал, стопку тетрадей с сочинениями, очки и... бумажный пузатый пакетик, из которого она извлекла серую продолговатую конфету, обсыпанную сахаром, и отправила ее себе в рот. Подвижное лицо ее, до сего момента выражающее неприязнь ко всему существу, сразу как-то преобразилось, одна щека оттопырилась, а глаза на миг подобрели. Это было что-то новенькое! Рой учеников замолк, и каждый на свой лад пытался переварить изменения, произошедшие с их классной дамой, но тоже лишь на миг, потому как через секунду народ зашушукался, а кое-кто, обнаглев, попытался высказать свое мнение на этот счет!

– Всем молчать!

Звонкий Клавин голос рассыпался на тридцать льдинок и достиг сознания каждого ученика.

– Королькова, к доске!

Верка знала урок. Литература и русский были единственными дисциплинами, которые она тщательно и исправно готовила. Здесь был вопрос принципа. Во-первых, филолог мама, известный в районе человек, а во-вторых, отношение железной Клавды – если, что не так, пара будет обеспечена, без всякой возможности исправить оценку.

В то время как Верка начала разглагольствовать на тему дуэли

Онегина и Ленского, Клавдия Константиновна отправила в рот еще одну конфету. Сорт этих конфет известен был всем. Пожалуй, только их и можно было купить в то время. Несимпатичные внешне, они и на вкус были не очень хороши. Начинка из приторно-сладкого повидла была хорошо знакома Веруне, она прекрасно знала, что именно эти конфеты обязательно надо было запивать горячим чаем. Верке резко захотелось пить! Клава же, самозабвенно опустошала коричневый крафтовый пакетик, громко разгрызая некоторые крепкие экземпляры. Надо сказать, что красотой особой она не блистала, но обладала прекрасными зубами, и этот факт приводил в замешательство окружающих. Никто не знал, сколько ей было лет. И вот уже раздался выстрел, и Ленский упал, убитый хладнокровным Онегиным, Клавдия Константиновна же, не менее хладнокровно все еще расправлялась с содержимым пакета. Верка подумала, что попробовал бы кто из них похрустеть чем-нибудь у Клавды на уроке, но вовремя спохватилась и продолжила пересказ прочитанных глав классика.

Веруня очень любила по вечерам вдвоем с мамой на кухне обсуждать разного рода события. Они надевали одинаковые стеганые халаты, ставили электрический самовар, и говорили, смеялись, читали вслух какую-нибудь статью из "Литературной газеты" или рассказ из журнала "Юность", решали кроссворды из "Огонька". Ольга Петровна была женщиной интересной во всех отношениях. Когда-то она была очень хороша собой, но и теперь, красота ее все еще не поблекла. Тридцать пять лет – разве это возраст для женщины, которая четко знает, что хочет от жизни? Несколько лет назад она развелась с Веркиным отцом, предпочтя карьеру еле теплящемуся семейному счастью. В тот вечер Веруне было, что рассказать. Она не могла дождаться момента, чтобы поведать маме о метаморфозе, происшедшей с их классной руководительницей. Что бы это значило? Чего это вдруг Железная Клава продемонстрировала всем, что ничто человеческое ей не чуждо? Ольга Петровна тоже была удивлена, хорошо зная жесткий характер Веркиной классной, трудно было представить ее в роли маленькой девочки с карамелькой за щекой.

Прошло недели две. К конфетам на уроках литературы и русского языка все привыкли. Уже никто не обращал внимания на то, как Клава привычным жестом щелкала их как семечки. И вот однажды она, как всегда ледяным тоном, сказала:

– Королькова, после урока останься!

И что бы это значило? Холодок пробежал где-то внутри романтической Веркиной души, но, будучи натурой весьма уравновешенной, она не стала терзать себя излишними вопросами и смутными подозрениями.

После того, как все ушли, а Верка осталась, Железная Клава закрыла дверь класса на ключ с внутренней стороны и приступила к допросу. Веруня, за последние две недели привыкшая к тому, что Клава постоянно грызет, не могла сосредоточиться и все ждала, когда же она начнет шуршать пакетом и положит конфету себе за щеку. Ведь в этот момент Клавдия Константиновна всегда на миг добрела. Но нет! Видимо эмоциональный накал учительницы был настолько высок, что про свой любимый пакет она и не вспомнила. Верка же, услышав одну только фразу: "Неужели абсолютно все надо рассказывать дома?", поняла, что мир перевернулся и уже никогда не будет прежним. Железная Клава рыдала

в голос, громко, не боясь того, что за дверью ее могут услышать, и это еще раз доказывало, что все изменилось, и уже даже сама Клава не была Железной!

Веруня пулей вылетела из класса после того, как дала обещание учительнице больше не рассказывать своей маме о том, что происходит в школе. Она, не помня себя, пересекла три школьных лестничных марша, выбежала на улицу, забыв пальто в раздевалке, а влетев в здание отдела народного образования, так же незаметно для себя вихрем поднялась на четвертый этаж и ворвалась в знакомый ей кабинет. Увидев маму, она разрыдалась. Ольга Петровна быстро закрыла кабинет на ключ, и приготовилась услышать самое страшное, что только могло произойти в ее понимании.

– Для чего? Для чего ты это сделала? – выплакала из себя Веруня.

Ольга Петровна совсем не понимала о чем идет речь, но волна цепной реакции уже давала о себе знать. Она вытащила из сумки сигарету и нервно затянулась. Никогда раньше она не позволяла себе курить в кабинете, но тут был особый случай. Верка, захлебываясь слезами и размазывая потекшую тушь по раскрасневшимся щекам, взахлеб пересказывала маме разговор с Клавой в самых мельчайших подробностях. В конце концов, Ольга Петровна разобралась, в чем дело. Она облегченно вздохнула, поняв, что никто не умер, что всего-навсего конфетно-карамельная история разрослась до размеров конфликта, она налила дочери стакан воды, и сделала попытку обрисовать ситуацию. На днях, после совещания директоров школ, к ней подошла завуч из Веркиной школы и сообщила, что скоро им понадобится новый учитель русского языка и литературы, а девятому "А" еще и классный

руководитель, ведь Клавдия Константиновна беременна и вскоре собирается в декретный отпуск.

Веруня поперхнулась водой и закашляла.

– Этого не может быть, она ведь старуха! – прохрипела она.

– Не такая уж она оказалась старуха, всего на два года старше меня! Теперь тебе ясно, почему ваша Клавдия Константиновна так поменяла свои привычки? – Ольга Петровна налила себе стакан воды и залпом его выпила.

– Да, только я не понимаю, как ей стало известно о нашем с тобой разговоре?

– Когда Елена Семеновна попросила меня подыскать вам нового учителя, я ожидала услышать какое угодно объяснение, только не беременность, поэтому от неожиданности выпалила: "А, теперь ясно, почему Клавдия Константиновна за урок съедает пакет леденцов!"

– Мам, но насколько я знаю, во время беременности тянет на соленькое, а не на сладенькое! Ну, Клава! Даже тут оказалась не как все нормальные люди!

– Знаешь, я вполне допускаю, что она просто пытается бросить курить, ведь это очень вредно для ребенка...

В этот момент зазвонил телефон, Веруня высморкалась, а Ольга Петровна сняла трубку и очень недовольно сказала:

– Елена Семеновна, у меня тут дочь рыдает после разговора с Клавдией Константиновной, вы же мне обещали, что не будете насчет конфет распространяться.

Может быть, Верка еще до конца не успела постичь своей роли во всей этой истории, но она отчетливо осознавала, что круг замкнулся, беззаботное детство закончилось, и начиналась взрослая, очень сложная и пока непонятная ей жизнь.

Татьяна Трубникова окончила режиссерско-сценарную мастерскую М.И. Туманишвили и А.Н. Леонтьева по специальности кинодраматург игрового кино. Работала в соавторстве над сериалом «Любовь слепа». Член Союза писателей России. Лауреат конкурса «Подольское творчество». Лауреат Московской областной литературной премии им. М. Пришвина, 2015. Книги: «Знаки перемен», 2009. Роман «Танец и Слово» о любви Сергея Есенина и Изадоры Данкан, 2015.

Аби – по-татарски «бабушка». Но это для меня. Когда-то она была только айны – мама. Для моей мамы. Когда маме было всего шесть лет. У нее было пять братьев и сестер. Конечно, она была младшей. Но так недолго, что не успела понять, что это значит. Да и не могло это ничего значить в 1949 году. Как аби вырастила шестерых? Уму непостижимо. Работала день и ночь. Дети тоже работали. С десяти лет.

Но не в то лето. В то лето маме было только шесть. Аби отправила ее в летний лагерь. Он стоял так далеко от всех проезжих дорог, что до него не ходил автобус. Можно было только приехать на машине.

Каждое воскресенье лагерь наполнялся радостным ожиданием, сбывшимся ожиданием, счастливыми проводами. Ко всем приезжали мамы и папы. И привозили вкусное. Только мама все ждала, ждала. Она знала, что у нее маленький братик и что аби ждет еще одного. Но как в это вникнуть ребенку, особенно, когда есть так хочется?

Мама не брезговала доедать огрызки, которые ей отдавали ребята. Редко-редко ее угощали чем-нибудь еще. Но дети умны: за-

чем угощать, когда надеяться на ответный жест нечего?

И вот однажды, когда день уже близился к концу, а все родители собрались уезжать, мама вдруг увидела аби. Она стояла, опираясь на ограду, не в силах двинуться дальше. Улыбка была на ее измученном лице.

Она пришла пешком.

Через все леса.

В руках у нее ничего не было.

Мама бросилась к ней и обняла. На них смотрели другие дети и их родители.

И вдруг аби взяла мамину ладошку. Раскрыла ее. И пересыпала из своей руки маленькие, самые дешевые леденцы. Желтенькие солнышки. Леденцы она принесла без кулька, без пакета. Прямо в руке. Они были теплые и немного слипшиеся, потому что были согреты теплом ее ладони.

Когда она ушла, мама со всеми поделилась своими леденцами. Со всеми, кто хотел их взять.

МИХАИЛ ПЕРЛИН

ПОДНЯТЬ СЕБЕ НАСТРОЕНИЕ

Иногда можно на пустом месте прилично поднять себе настроение!

Прохожу сегодня мимо двери в подъезд и читаю: "осторожно окрашено" – как у нас любят, без знаков препинания. Под недобрым взглядом соседки нарочито внимательно осматриваю дверь. Потом нахально заявляю: "Врут! Окрашено неосторожно!" И, хмыкнув, удаляюсь. Тётя тупо смотрит на меня, потом на надпись, снова на меня (скорее на своё внутреннее пространство) и... вдруг, наконец, начинает хохотать!

Так, думаю, одного "жирафа" сделал. Правильно день начинается...

Однако следующий "жираф" сделал меня. Можно сказать – мимоходом! Ловлю нашу фирменную автобусную маршрутку. Ту, в которой валидатор на проходе весит, как в автобусе. Пытаюсь пролезть, но тучная тётя в проходе оказалась ужасно занята тесным общением с этим самым приборчиком. И небрежно бросила мне через плечо: "Я сейчас пропикаю и пропушу вас!" Представив себе действие в лицах, беззастенчиво заржал!

Один – один...

В метро с хорошим настроением не суются – дурной тон. А если уж рушить традиции, то проверенным, надёжным оружием. Вот я, завидев рыночную торговку цветами, и пошёл вооружаться. Подумав, выбрал классическую красную розу. Эффект эстетический, ароматический, а также ностальгическо-романтический налицо: повальный сбор улыбок да смущённых ухмылок со всего метро за 40 руб. И никакой порчи личного эмоционального имущества! Моё настроение осталось при мне.

А если учесть, что мне довелось путешествовать в одном вагоне с приличной кучкой девяти – десятиклассников и их училкой-наседкой, то скорее и приумножилось. Так вышло, что нам было всё время по пути...

За такое доброе дело мир надобно отблагодарить.

Хватаю на распродаже деревянную сувенирную подкову. И, думаю, нафиг она мне сдалась? Однако, проходя тихой аллейкой мимо берёзы, сообразил: приколоть, сбить с толку и порадовать – зачем же ещё?! Далее застал себя за вдумчивым увешиванием берёзовой ветки новым сувениром от меня, любимого. Кстати, неплохо и вполне органично смотрелось. По крайней мере, сама берёза не возражала. Минимализм, конечно, без задора и размаха. Но, в конце концов, берёза – не ёлка, чтоб её всю украшать...

А вот мир решил, видать, что я продешевил. И устроил мне "тёмную". И "вонючую". Не ожидал от него.

Вхожу в целевой (малознакомый) подъезд. Пробираюсь, зажимая нос и остальные не в меру чувствительные отверстия головы от разнокалиберной ароматаки. Свежепокрашенный подъезд с невывезенным мусором и затхлым подвалом вкупе со страстными любителями кошек – удовольствие на любителя! Стоически пройдя первую линию обороны, слышу зловещий, разнообразно варьированный скрип. Он приближается! Разумеется, я же его вызвал. Сам. В смысле, я же не знал, что вызову его...

Но грузовой лифт всё-таки приехал, отчаянно проскрипев напоследок дверями, и замер в немом ожидании. Я тоже малость завис: внутри было темно, как у ... в Восхитившись такой бесплатной пещерой ужасов, бесстрашно устремился вперёд, бодро размахивая тусклым фонариком. Однако когда оно поехало, мой неуёмный энтузиазм всё-таки благообразно решил отсидеться в районе пяткок. Его можно понять.

За прохождение полосы препятствий мне, как водится, вручили приз: бутылку французского вина.

Вообще-то ехал я, чтобы настроить человеку компьютер. Однако от оплаты отказался. Я заявил, что нахожусь в состоянии бета-тестирования своих способностей по настройке ПК, так как вполне мог и разучиться за время вынужденного простоя. Поэтому оплате мои скромные усилия не подлежат. Вот меня и одарили.))

На обратном пути меня бросила маршрутка.

Не доехала остановку до моего светофора и, решив сменить излюбленный маршрут, чуть коварно не увезла меня в неизвестном направлении. Могу её понять. Если время от времени внезапно не менять маршрут, так и не заметишь, как превратишься в трамвай.

Выскочив и успешно избежав самого худшего, начал думать. Разумеется, ничего путного из этого не вышло. Благообразно закончил думать и поднял руку. Ввёл в некоторый ступор пойманного таксиста моим экстравагантным адресом: мало кто вызывает или ловит такси к светофору. Но опытный дядя, надо думать, и не таких повидал. И безропотно доставил по "адресу". Полагаю, попроси я его притормозить у скворечника, результат бы не изменился.

Воодушевляет...

2014г.

Юлия Лощинная

БАБОЧКА

Я расскажу Вам одну историю, которая произошла со мной на острове Нью-Провиденс, что входит в содружество Багамских островов. Я ботаник, пишу книгу о любимом цветке – орхидее. Приехал на острова, потому что там – небывалое количество орхидей – около пятидесяти видов.

Орхидея – тонкой организации душа. Ее настроение меняется согласно планетарному закону. Утром и вечером орхидея даже пахнет по-разному. А еще орхидеи как люди: одни – ванильно-притягательные души, другие – как смесь шоколада с компостной ямой. А бывают даже такие, чей запах можно почувствовать за несколько метров.

Да и вообще все на острове живет и дышит: первобытный лес, болота, девственный океан... Живет издревле, испокон веков. Остров – почти нетронутый цивилизацией. Заросли красного дерева – вечнозеленого, с корой теплого цвета – сменяются мангровыми кустарниками, растущими в заболоченных местах. Это самые настоящие непроходимые заросли: мангровые деревья тесно сплетаются друг с другом ветвями. Местные верят, что в лесах живут духи. И теперь, после всего, что со мной там произошло, я тоже верю.

На острове я снял небольшой домик – потрепанную лачугу. Местные по-другому не живут. Первую половину дня я посещал парк с орхидеями, вторую – просматривал фотоматериал, делал заметки. Темнело рано – часов в семь. И вечерами я почти не выходил из дома. Поймав долгожданную волну вдохновения, навеянную тропической экзотикой, я писал и писал и вскоре должен был закончить книгу.

Развлечений было мало, да я их и не искал. Когда хотел отдохнуть от работы, я готовил или курил трубку. В этом тропическом раю не существовало проблем и бед. И только здесь я мог закончить свою книгу.

Вечерами на огонек моей хижины слетались москиты. Они облепляли окна. И даже казалось: слышно биение их маленьких крылышек о стекло.

Однажды ранним вечером, пока москиты не успели собраться на свет моего домика, я вышел в прохладу ускользящего дня. Нежные розоватые лучи, отдавая свои краски, медленно исчезали один за другим: небо погружалось в тень. Я забил трубку, присел на ступеньку веранды. И только настроился насладиться закатом и табаком, как меня больно укусила какая-то муха. «Беда не приходит одна», – подумал я, разглядев у себя над головой небольшое, явно настроенное кусаться полчище. И поспешил укрыться в доме.

На кухне я уловил еле различимое шуршание. Из темного угла вылетела бабочка. У нее были красно-коричневые крылышки, на которых виднелись, словно нарисованные... глаза. Такой интересный рисунок крыльев, как узнал я впоследствии, – у бабочки «павлиний глаз». Но о том, что она встречается на Багамских

островах, я не нашел ни одного упоминания.

Нежданная гостья порхала по комнате, пока не остановила свой выбор на лампадке, стоящей на письменном столе. Я не успел остановить ее. Она обожгла крылышко и, подрагивая, упала на стол.

Я подошел поближе. Она билась в попытках взлететь. И свалилась в щель между стеной и столом. У меня что-то дрогнуло в груди: бабочка с глазами.

Весь оставшийся вечер я промучился от этой мысли. И еще рука зудела от укуса. Долго не мог уснуть, и слышал, как ночная странница копошится где-то.

Среди ночи я резко проснулся. Странное чувство, что на меня кто-то смотрит. Я лежал, вглядываясь в темноту, сердце бешено колотилось. И вдруг услышал тихий плач. Я перекрестился. Зажег свечу, и увидел сидящую на столе девочку. Длинные рыжие волосы и глаза – большие, полные отчаяния и слез. Кожа бледно-розовая, почти белая. Я встал и направился к ней. Как она смотрела на меня. Какой это был взгляд. Казалось, она читает мои мысли. «Ты кто?», – спросил ее я. Она ответила непонятными звуками, звериным беспомощным плачем. И так это было пронзительно. У меня внутри все сжималось от жалости. Моя душа ревела вместе с ней. Я не понимал, откуда она взялась, и что мне теперь делать. А в глазах отражался безумный страх и бесконечное желание жить. Она молила глазами о помощи. Я говорил какие-то успокаивающие слова. Потянулся обнять ее и нащупал на спине нежные маленькие тонкие крылышки. Она спрыгнула со стола. Ножки ее подкосились, и девочка уселась на пол, облокотившись спиной о стену. Я сел рядом с ней. И взял ее за руку. Мне показалось, что она уснула. Я тоже начал проваливаться в сон. Утром я проснулся от будильника. Какой дурной сон мне приснился, и хорошо, что это был всего лишь сон.

Но... я – на полу, около стены, а рядом... лежит бабочка, с опаленным крылышком... Она лежала бездвижно. А глаза ее смотрели на меня.

Вечерний океан, нагретый за день, мчит свои волны к моим ногам и обдает накопившимся теплом. Он будто дышит. И я вторую его дыханию. Как хорошо на этом острове, нет ни проблем, ни бед. Лес неподалеку, такой единый, с плотно-плотно сплетенными ветвями. И каждое дуновение ветра заставляет шептать его крону. В глубине леса растет орхидея *cucullata*. Моя любимая орхидея. Утром она просыпается легким лимонным ароматом. А вечером благоухает цветочными духами.

Меня все не оставлял вопрос, как мог я на Багамах встретить бабочку, которая там не водится. Как только меня покидало «орхидейное» вдохновение, я принимался за изучение бабочек. Читал о них все подряд. Виды, среду обитания. И наткнулся на древние легенды: душа человека после его смерти становится бабочкой, и какое-то время еще живет на этой земле.

Ольга Фер

ЧЕМ ПАХНЕТ ТАДЖИКИСТАН

Предисловие

Прежде, чем вы приступите к изучению представленных материалов, настоятельно прошу вначале изучить этот текст, дабы не случилось для вас неожиданностей относительно ваших возможных мыслей, рецензий и пожеланий. И не говорите, что вас не предупреждали!

1. Повторять описанные приключения стандартному россиянину строго не рекомендуется! Чтобы повторить хотя бы часть, необходимо изменить наш менталитет, к сожалению, уже сформированный в XXI веке (после разделения великой образованной многонациональной страны – СССР) неправильной информацией, построенной на слухах, сплетнях, а также на отсутствии информации как таковой. Откройте – если найдете, конечно – бумажный экземпляр Большой Советской Энциклопедии. Можете начать с нее, а не с этого предисловия.

2. Вся информация о Таджикистане, которой современное поколение европейцев владеет, без личной проверки не стоит ни гроша. Только личный опыт. Восток, любой – ближний и дальний, Азия Индия и прочие – "дело тонкое, непонятное, непредсказуемое, постоянно меняющееся". И невозможно определить как, когда и почему он меняется.

Вот вы видите стоящих у дороги мужчин, болтающих вроде ни о чем. Европейцу, последние 20 лет воспитанному в постоянной настороженности к терроризму, со стороны кажется, что они замышляют недоброе. А мужчины просто обсуждают цены на муку или рис.

Вот женщины у ворот чьего-то дома бурно "перебирают кому-то косточки". А через миг одна встречает корову с пастбища, другая подает чай, третья замешивает тесто для лепешек или рисовой лапши, четвертая нянчится с малышом, и т.д.

И вы, видя эту "телепортацию", не можете отделаться от убедительного ощущения, что все наблюдаемые персонажи находятся там, где они сейчас, и никогда не были где-то еще.

3. Даже все-таки развитый туризм в советское время касался, прежде всего, спортивных моментов – альпинизма преимущественно. Существовали сложные ознакомительные туры-путевки по Средней Азии, их было мало. В основном республику знали благодаря Всесоюзным Здравницам с целебными водами источников, историческим памятникам и продуктам сельского хозяйства (хлопку, винограду, цитрусовым).

4. Важно. Повествование ведется от лица женщины. Поэтому наблюдаемые проблемы и особенности жизни – более емкие, порой эмоциональнее; также подмечены незаметные для привычного мужского взгляда моменты, детали, нюансы. Описание возникших персонажей утонченнее, точнее.

5. Все события, наблюдения, выводы и оценки только личные.

6. Не ожидайте знакомого. Будьте готовы к нарушению стереотипа.

7. У кого-то возникнет дежавю. Много сохранилось как при СССР, а многое вернулось к «до 1918г». Это так.

8. Главная нить книги – "нет народов, которые имели бы преимущество над другими народами". И ещё: "Бог создал всех людей равными". Поэтому прежде, чем читать, решите, готовы ли Вы воспринять тексты дословно, без чтения не существующего "между строк".

9. Политических вопросов избегаю, так как визит в эту страну носил мирный, ознакомительный характер. Изучение традиций, обычной жизни обычных людей.

10. Несомненно, будут отступления: что-то – из истории, что-то – из собранных рассказов, что-то – из фольклора, что-то – из найденных легенд и услышанных баек.

11. Что еще? Приглашаю.

Поездка

Направляясь в Таджикистан (вдруг вам такое придет в голову, особенно сейчас, после блокировки Россией турецких и египетских наезженных курортов, и подорожания европейских стран в силу роста евро к рублю), начинайте думать об этом и взвешивать варианты заранее!

Страна полна нюансов.

И прежде всего – нюансов, связанных с Вашим отношением к ее народу. Страна маленькая, все друг друга знают или где-то когда-то пересекались. Поэтому, если вы позволили себе грубость или хамство к народу здесь ТОЛЬКО потому, что гастарбайтеры вам в вашей стране не нравились, вам вряд ли откроют все двери и проявят гостеприимство. Помните, НЕ они вас зазывают (как мы привыкли многие последние годы), а именно ВЫ едете к ним за впечатлениями, за отдыхом, лечением и т.д. Поэтому будьте вежливы или совсем откажитесь от поездки в эту замечательную страну.

Решать ехать/не ехать следует не с покупки билета на самолет и не с выяснения цен на услуги и товары там, даже не с поиска хорошей гостиницы. Думать стоит начать со своих мыслей. Для чего вы решили поехать именно туда? Только потому, что закрылись удобные, дешевые, выгодные и жаркие иностранные пляжи, адаптированные под нас, невоспитанных? Таких вас там не ждут. Или вы что-то слышали от тех, кто там был, и тоже захотелось? Тогда узнайте о стране побольше из специальной литературы, не полагаясь на личные впечатления и тем более на слухи и "общественное" мнение.

Возможно, в поисках затаенных местечек на планете Земля вам случайно попались санатории или горы с горнолыжными курортами, заповедники и архитектурные памятники Таджикистана, и вы были несказанно удивлены, поэтому решились на столь незнакомый и долгий путь; а к любому народу вы лояльны и демократичны (остальное выяснится на месте) и одновременно достаточно политически грамотны и осторожны. Тогда флаг вам в руки, и с добрыми пожеланиями – в путь!

НЕ стоит надеяться, что ваше незнание (или нежелание знать) законов и обычаев страны сойдет вам с рук. Восток – дело тонкое и сложное, бывает и опасное, особенно – со стороны незнакомой природы, порой медлительное. Хотите получить массу безопасных, колоритных и приятных впечатлений от поездки – подготовьтесь.

Проще всего будет людям старшего поколения, которые застали времена, когда в любую чужую страну не выезжали без должной подробной информации о ней. А также спортсменам и любителям, увлекающимся не один год горными лыжами, альпинизмом и обычными походами. Поэтому, преследуя мирные цели, вы можете не опасаться за свою жизнь, здоровье, свободное (в разумных пределах) перемещение по территории республики. И конечно же, все документы (паспорт, регистрации, пропуска, путёвки и т.д.) должны быть у вас в порядке!

Итак, решили ехать. Собираетесь. На что следует обратить внимание и что принять к сведению?

1. Касается и других направлений полёта. Для Вашей боль-

шей безопасности, особенно в беспокойное время, выбирайте национальную авиакомпанию. Билеты могут стоить дороже, но безопасность это стерпит. В более стабильные в мире времена, старались выбирать родную а/компанию, ссылаясь на то, что территория самолёта это часть вашей страны и поэтому неприкосновенна. Ситуация поменялась. Этот момент теперь может дать противоположный эффект (не дай бог!) В Таджикистане 2 местные а/компани – «Сомони» и «Таджик эйр».

2. Если Вы – женщина, или в вашей компании есть женщины – выбирайте «Сомони эйр». Женщины впечатлительны и капризны. Вы уверены, что она перенесёт 5 часов полёта "в тесном кругу" с гастарбайтерами, возвращающимися домой, причём исключительно мужского пола? А на самолётах «Сомони» больше попадает европейцев, следующих транзитом, да и попросторнее в этих салонах. Однако, если вы женщины, то попав на рейс, полный возвращающихся мигрантов, считайте, что попали в самое безопасное и уважающее вас мужское общество!

3. Выбрали. Покупаете билеты. Помните, если вы – в горы, время года не так принципиально, если пожариться – то с мая по сентябрь включительно. Так как Россия, по-прежнему, принимает рабочих из Таджикистана, то оттуда меньше всего едет летом и осенью, а туда – весной и летом. На основании этого делайте выводы о цене билетов.

4. Рекомендую покупать сразу и обратный билет. Вам психо-

логически будет спокойнее, а особенно – женщине (они так мнительны!).

Просмотрев по возвращении не один сайт об иностранном туризме в Таджикистане на современном этапе, кроме нескольких общих рекомендаций для иностранцев (европейцев и с иных континентов) и стандартных описаний страны в официальных блогах, ничего нет. Могу с огорчением признать, что в источниках совсем не отражены мелочи. А мелочи так важны, они стирают недомолвки, преграды, выстроенные обществом между народами. Также однозначно становится понятно, почему посещение страны напрягает потенциальных туристов – разные моменты с оформлением документов подробно описаны, но они фактически "недоступны". Ольга Фер рекомендует прислушаться к её наблюдениям. Например, о валюте, которую берёте. Не заморачивайтесь выбором – берите ту, которая Вам удобна и которая у Вас есть: доллары, евро, рубли. И не стоит сразу в аэропорту бежать в обменник, чтобы наменять кучу денег. Разве что самую малость на такси. Обменных пунктов везде достаточно. Совет: понаблюдайте, расспросите местных (работников отеля или санатория, у милиционера, в магазине, даже таксиста, который вас везёт – где и когда выгоднее поменять). Не бойтесь, вас не съедят, а дельный совет дадут. В Таджикистане, как и на всём Востоке, порой, время, место, даже то, как вы спросите – имеет значение. И не имеет значения, мужчина вопрошающий или женщина.

СКОРО В ПРОДАЖЕ!

Лана Аллина

«Вихреворот сновидений»

Вероника живет в двух мирах. Один из них – мир будничной прозы привычной жизни, в которой она – жена, любовница, преподаватель... Второй же – разнообразный, яркий и выразительный – мир ее снов. Но именно этот мир иллюзий помогает ей видеть вещи такими, какие они есть на самом деле, и находить верный путь в раскинувшемся перед героиней лабиринте судеб и событий, что протянулся с середины XX века до наших дней.

ISBN 978-80-7534-059-7; 978-80-7534-060-3.

400 стр.

Напоминаем, что приобрести книги нашего издательства Вы можете:

- в нашем офисе: Skleněný můstek s.r.o., Horova 12, 219, Karlovy Vary
- в магазине «DINO»: I. P. Pavlova 36, Karlovy Vary

Заказать по почте: Vítězná 37/58, Karlovy Vary 360 01, Česká republika

Приобрести наши книги в интернете можно на следующих ресурсах:

<http://eshop.czpress.cz/> <http://www.litres.ru> <http://svoy.ru/> <http://www.softsalad.ru>

<http://biblioclub.ru> <http://www.martinus.cz/> <http://www.martinus.sk/>

<http://knihy.abz.cz/>

Клавдия Нови

На крошке макового поля

Приходилось ли вам видеть воочию цветущие маковые поля? Пройдут дожди, воздух станет теплым, установится лето – тогда маки раскроют головки. И сразу привычный пейзаж переменится – земля уж охвачена пламенем! Глаз зажмурится от яркости красного, нос не вместит аромата – маки цветут. Но было ль известно вам, что на маковых полях кипит жизнь? В бутоне мака спит младенец... Цветок раскрываясь – дитя родилось. Немного отмерено времени этим крошечным созданиям, но они рады и тому. Питаются они росой да пылью, а спят, завернувшись в лепестки, как в шелковые простыни. Но история моя не о том. Зацвел молодой мак, и появился младенец. Прелестная девочка, маковинка, такая же, как другие детки, но будто бы чуть отличная. Кожа ее была поалее (если вы не знали, у всех маковинок и маковнышей кожа бледно-алого цвета), а личико поулыбчатей, словно солнышко грело и целовало ее больше, чем остальных. Маковинка жила, не ведая горестей, прыгала по цветкам, играла с капельками росы, слушала песни птиц, да засыпала, любуясь ночным небом.

И вот однажды она, сама не заметив как, оказалась на краю макового поля, там, где начиналась уже дубовая роща, всегда синевшая вдаль. Маковинка очень испугалась и заторопилась было назад, как вдруг заметила кого-то под деревом. Она подкралась поближе и, чуть выглядывая из-под листочка, пригляделась. Маковинка увидела диковинное существо, слишком большое и страшное, хотя похожее на нее саму. Скажу вам, что это был молодой мужчина. Этот мужчина расположился под сенью дуба и что-то рисовал или писал на бумаге – маковинка не слишком обратила внимание на его занятие – кроме того он, бывало, говорил что-то сам себе, улыбался, напевал и конечно же любовался маками. Несколько раз маковинке казалось, что он скользнул по ней взглядом, но мужчина не замечал ее. Когда солнце было близко к закату, мужчина встал и ушел, но на следующий день он пришел снова, и на другой день... и маковинка тоже спешила к краю макового поля, чтобы увидеться с ним. Странные вещи начали твориться с маковинкой. Как радостно станет ей, когда разберет она издали очертания его фигуры! Как забьется ее сердечко, стоит только внезапной эмоции поменять его черты! Как сделается маковинке грустно без него! Как затомится в груди, аж капают из глаз слезинки!

То был очередной день, который маковинка проводила на крошке макового поля. Она сидела в одном из цветков, совсем близко к раскидистому дубу, и не сводила глаз с мужчины. Сегодня он был взволнован, то вскакивал и ходил из стороны в сторону, то замирал на месте. Неожиданно он подошел к макам и стал срывать их один за другим. Напугавшись, маковинка схватилась за лепесточки. Мгновение спустя и ее цветок оторвался от земли! Маковинка пережила жуткую тряску и даже не удержалась на ногах. А когда она подняла свою головку, то обнаружила, что его лицо совсем близко! Маковинка получше укрылась лепестками и огляделась по сторонам. С какой огромной высоты осматривала теперь она окрестности! Маковое поле выглядело еще красивее, чем раньше, но оказывается, мир на нем не кончался. Перед ней открылась огромная равнина, и быстрый ручей, и домики в низине, в сторону которых направлялся мужчина... Очувтившись в людском селении, маковинка шире распахнула глазки. Обилие запахов закралось в ее маковый цветок, слишком много громких звуков преследовало ее, а обстановка вокруг очень быстро менялась! Место это она сочла опасным и, зажмурившись, крепче обернулась лепестками.

Вдруг хлопнула дверь, звуки заглохли. Мужчина замер на пороге, глядя на женщину, которая быстро вышла на свет в центр комнаты, до того чем-то занятая в темном углу. Маковинка подумала, что женщина эта самая красивая на свете, и нечаянно залобовалась ей: ее румянцем, легкостью ее движений, дивной косой и глазами, в которых несмотря на ее молодость, сквозила усталость. Затем маковинка обернулась на мужчину и... все поняла. В ту же секунду внутри у ней что-то оборвалось и рухнуло, сотрясая с головы до пят ее маленькое существо.

– Эльза! Я ухажу! – тихо, но взволнованно произнес мужчина.

– Не уходи! – прошептала женщина.

– Не могу.

Женщина заплакала, мужчина кинул букет на стол и поспешил заключить ее в объятия. Мужчина целовал женщину, вытирал слезы с ее щек, но она не успокаивалась.

– Пойми, если бы я остался, меня забрали бы силой! Будь проклята эта война.

– Господи, Эльза, как я люблю тебя! Ты выйдешь за меня? Я так люблю тебя! – снова повторил он.

– Да! Мог ли быть другой ответ? – женщина крепче обхватила мужчину. Ее рыдания на время затихли, она обессилела и тихонько скользнула на пол, мужчина тоже подогнул колени. Так, плотно приближенные друг к другу они замерли посреди комнаты, а маковинка, завороченная этой сценой, изо всех сил переживала свое несчастье, но еще горше сострадала она двум влюбленным.

Затем мужчина ушел. «Навсегда» – подумала маковинка. Возможно, о том же задумалась и Эльза. Женщина поправила замятое платье, умылась, наполнила водой горшок и взяла букет. Как долго держала она цветы в руках! Вдыхала их аромат, дотрагивалась до маков губами, снова уж начала плакать, как вдруг заметила маковинку, маленькую девочку с кожей алого цвета. Женщина вздрогнула, чуть не выронила цветы, но затем улыбнулась чуть заметно и ласково протянула ей ладонь. Маковинка перелезла, немного оробев, и уселась на ладони Эльзы.

– Ты фея? – спросила женщина.

Маковинка очень удивилась. Она знала только, что маковныши со временем становятся маковниками, а маковинки – маковницами, но о феях ничего не слыхала.

– Я маковинка.

– А откуда ты?

– С макового поля.

– И много маковинок живет на поле, или ты одна? – заинтересовалась Эльза.

– Много. А куда он ушел?

– Воевать.

– Зачем?

– Так надо... – с горькой усмешкой ответила Эльза.

– А он вернется?

– Не знаю, – тон женщины потемнел еще больше. – Ведь это очень опасно. На войне можно умереть! – объяснила она.

Маковинка не очень поняла, зачем идти в такое место, где можно умереть, но вместо того, чтоб спросить об этом, сказала:

– Отнеси меня назад, домой.

Эльза согласилась, положила маковинку в кармашек своего платья и отнесла на поле. Перед расставанием маковинка, размышлявшая всю дорогу, проговорила:

– Если что-то плохое случится, беги немедленно сюда, на крошку макового поля! Зови меня. Я могу помочь.

Снова потекли однообразные дни на маковом поле. Но не было больше задора в маковинке, она перестала смеяться, не играла с друзьями и подругами, мало ела. Теперь знала она, как называлось ее чувство, и ночами иногда шептала: «Я люблю». Не переставала маковинка себя спрашивать: «А не умер ли он?», и незаметно от всех изводилась от неизвестности...

Когда очередной день был на исходе, и на землю ложились сумерки, разнесся по полю крик женщины. И маковинка с давно забытой прытью заскакала по цветкам к дубовой роще. Эльза стояла под деревом, на том самом месте, где любил проводить время мужчина, и теребила в руках кусочек вымоченной в слезах тряпки. Маковинка заметила, что лицо женщины осунулось, а под глазами появились темные круги, но и от Эльзы не скрылись бледность маковинки и тусклость ее взгляда.

– Жив ли он? – спросила, замирая, маковинка.

– Жив, но ранен так, что будто мертв! Сегодня привезли его в город, что недалеко от нашей деревни, положили в госпиталь. Но врачи не в силах помочь, зовут проститься!

– Как нам повезло! – вскричала маковинка, чем повергла Эльзу в большое удивление. – Дорогая Эльза, он будет жить!

Женщина молча смотрела на маковинку, она даже не знала, почему пришла сюда, на кромку макового поля. Просить помощи у крошечной девочки! Как это было странно!

– Я открою тебе большой секрет, только обещай хранить его до конца своих дней. Мы, дети маков, можем сотворить волшебство.

Спасти жизнь тогда, когда другие уже отчаялись. Завтра, только забрезжится рассвет, спешу на поле, ищи мак, черный, как безлунная ночь. Сорви его, и приготовь из его лепестков отвар. Нет на свете лучше лекарства! Ты дай ему выпить, и любые раны затянутся, любая болезнь уйдет!

Маковинка и Эльза расстались, но не сказала малютка, что сделать из красного мака черный можно, только если уснуть в нем беспробудным сном, слиться с ним в единое целое, отказавшись от собственной жизни... Маковинка стала сама не своя, ее щеки загорелись, она бросилась танцевать и запомнилась каждому маковнику и каждой маковнице. «Чему так радуется?» – говорили вокруг, – «счастливое дитя!». Наступила ночь, маковинка выбрала свободный цветок, укрылась получше его лепестками, оглянулась по сторонам в последний раз и отдалась сну. Горячая волна подхватила ее, и понесла прочь от макового поля, от женщины, от мужчины и от горькой любви...

Эльза исполнила все в точности так, как просила маковинка. Напоила возлюбленного отваром, и он долго спал, а потом открыл глаза совершенно здоровым. Как были счастливы эти двое! Женщина тот час рассказала мужчине про маковинку. «Боже сохрани это милое дитя!» – воскликнул он, узнав историю своего выздоровления. С тех пор каждое лето ходили мужчина и женщина на маковое поле, но ни разу не повстречалась им маковинка, ни наша, ни какая либо другая.

– ...И не забудь мусор захватить. Да, еще когда выйдешь, посмотри, пожалуйста, на тётлюсины окна – немного смущенно сказала мама, – а то я ей звоню-звоню, она не подходит. Как бы она снова не запила. – Почти шепотом добавила она, заботливо поправляя прядь волос, выбившуюся из моей прически.

– Мама, перестань! – устало отмахнулась я, – И почему сразу запила? Может, ее просто дома нет?

– Ты же знаешь, у нее определитель, и, когда я звоню, она пьяная не подходит. Сидит дома, но не подходит. Посмотри, пожалуйста, тебе же не сложно. Если все в порядке, я бы ее на чай позвала. Да и контрамарки у меня в оперетту пропадают – мечтательно добавила мама.

– Разве интересно алкашке по театрам ходить? – сказала я более резко, чем намеревалась, а затем, опомнившись, добавила – Если хочешь, я компанию тебе составлю.

– Тебе лишь бы ярлыки на людей вешать. – Обиженно парировала мама.

Когда позади меня щелкнул старый дверной замок, мне стало совестно за сказанное. По пути я все время думала о маме и о тёте Люсе с ее большими прозрачно-голубыми печальными глазами.

Мама и тетя Люся познакомились около пятидесяти лет назад, когда их семьи только-только переехали в нашу тогда еще новёхонькую кирпичную пятиэтажку на окраине Москвы. Им было всего по пять, когда без дела шатаясь поодиночке по нашему двору, они встретились и затеяли свою первую совместную игру. Мама часто вспоминала, как они в тот день строили домик из кусков шифера и досок, разбросанных по всему двору после стройки.

«Мы тогда сами по себе гуляли, родителям некогда возиться с нами. Вот мы и придумывали себе игры сами. Я-то не очень хорошей выдумщицей была, но вот Люська – другое дело. Бедовая девка была: на качелях «солнышко» делала, на газу сахар жгла, чтобы леденцы сделать, бывало, с мальчишками дралась и посто-

янно что-то мастерила. Однажды люсины мама отдала нам пакет с остатками тканей, – мы нашли кукол для кукольного театра и даже несколько раз ставили спектакли для малышей во дворе» – с гордостью рассказывала мама и лукавые морщинки окружали ее блестящие оливковые глаза.

«Я и Люся были как один маленький механизм: Люська придумывала, а я помогала довести до конца. Как-то мы записались в доме пионеров в кружок массовиков затейников и уже в одиннадцать лет вели елку в Колонном Зале Дома Союзов. После этого всем детям-массовичкам – и нам с Люськой в том числе, дали путевки в Артек».

«Я всегда шла для Люськой, училась у неё всему, чему могла. И всегда была уверена, что у нее впереди нечто великое. А как иначе? За что Люська не бралась – у нее всегда получалось на порядок лучше, чем у остальных: олимпиады выигрывала, на соревнованиях отличалась, стихи писала, даже сама научилась немного на фортепиано играть, не зная ни одной ноты... Да... Она могла стать кем угодно...» – на этом месте обычно мама, вздыхая, качала головой и задумчиво закусывала нижнюю губу.

«Но Люська мечтала о сцене. Она была уверена, что скоро на небосклоне засияет ее звезда. Когда пришло время поступать в вуз, она без колебаний подала документы в Щукинское училище. И с треском провалилась на первом же прослушивании.

Казалось, я расстроилась больше самой подруги. Люська же была спокойна, только и твердила: «В шуку мало кто с первого раза поступает, вот годик поработаю, позанимаюсь, и попробую еще разок, вот увидишь». Наверное, она говорила это скорее себе, чем мне. И чем больше времени проходило, тем меньше она верила своим же словам. Люська связалась с компанией, стала вести разгульный образ жизни. Наши с ней пути на этом этапе стали расходиться: я заканчивала техникум, была комсомолкой, ездила вожатой в пионерские лагеря. Я изредка видела ее во дворе, возвращаясь после занятий, всегда в толпе каких-то ребят и частень-

ко румяную и неестественно веселую.

Когда Люся пригласила меня на свадьбу, я очень обрадовалась. Я думала, что с таким серьезным шагом закончится вся эта её разгульная жизнь. И еще больше я обрадовалась, когда на шумной свадьбе, на которой гулял весь двор, моя подруга – самая очаровательная невеста, точно сошедшая с киноэкрана, отвела меня в сторону и рассказала, что скоро станет мамой.

Мы снова стали много общаться. Даже не смотря на косые взгляды, которые кидал на Люську ее муж – простой работяга, мы стали вместе ходить в кино, на выставки, в театр. Когда у Люси родился Пашка, я стремилась проводить рядом с этим очаровательным пухленьким существом как можно больше времени, хотя это было и непросто: я уже работала в НИИ младшим научным сотрудником, была заместителем секретаря комсомольской организации и при этом пыталась как-то устроить свою личную жизнь. Но хотя бы раз в две недели я звонила Люсе, и мы катали Пашку по парку в его малиновой чехословацкой коляске.

Паша рос у меня на глазах, учился сначала сидеть, потом ползать и ходить. Когда он стал учиться говорить, мы с Люськой сами по-детски потешались над тем, как он «глотаёт» слоги: «машина» – он произносил «мана», «девочка» – «дека». Это казалось умильным до тех пор, пока ему не исполнилось пять лет, и воспитатели не забили тревогу. Врачи обнаружили частичную потерю слуха. Одни говорили, что это врожденное, другие причиной называли антибиотики, которые когда-то назначал участковый педиатр. Но Пашка от этих споров лучше слышать не стал.

Люськин муж крепко запил после такой новости. Стал даже руки распускать. Загулял и, в конце концов – ушел. Я понимала, что Люська вот-вот сорвется. Но она нужна была сыну. Она меняла работу за работой: уборщица, санитарка, гардеробщица, упаковщица – кем только она не становилась, чтобы зарабатывать сыну на лекарства, которые помогли бы остановить прогрессирующую тугоухость.

Жизнь вновь стала разводить нас по разным закоулкам. Хотя почти каждое утро мы болтали в автобусе, когда Люся худая, бледная, кутаясь в старое перештопанное пальто, чуть свет тащила замотанного по уши шарфом Пашку с огромным ранцем наперевес в спецшколу для инвалидов где-то в Подмоскowie, а сама она оттуда бегом неслась на работу. Вечером, возвращаясь с занятий в институте, я смотрела за знакомые окна на третьем этаже, где у письменного стола неизменно мелькали два силуэта – уроки вместе разбирают – понимала я.

Время шло. Я получила временное назначение в Красноярск. Мы почти потеряли связь: сначала были редкие письма, затем короткие междугородние звонки и в конце концов лишь телеграммы на дни рождения, Новый Год и Седьмое Ноября. Как-то приехав к матери в отпуск, я увидела Люську в компании симпатичного молодого человека. Высокий, чернобровый, крепкий, со сверкающими черными как ночь глазами. Нам тогда не удалось пообщаться, но мама рассказала мне за чашкой чая с пирогом, что выбившаяся из сил Люська отдала сына в школу-интернат, а сама устроилась на хорошую работу при грузинском посольстве. Злые языки говорили, что, мол, ребенка бросила и стала устраивать свою личную жизнь. Да только ерунда все это!» – мамин голос неизменно становился жестче, а в глазах мелькала странная искра.

«Когда настали девяностые, мы с твоим отцом после смерти бабушки вернулись в Москву и поселились здесь же, в ее старой квартире, где я выросла. Буквально через день после нашего переезда я встретила Люсю в булочной. Она вся светилась: беременная, в польском драповом пальто, счастливая. Она рассказала, что вышла замуж, муж – бизнесмен, зарабатывает хорошо, и теперь ей можно и не работать. Ремонт сделали, «жигули» купили, – жизнь наладилась. Муж-то люськин со временем стал одним из тех, кого называли «малиновые пиджаки». Про Пашку говорить она не стала, ну а я спросить постеснялась. Уже потом от соседней узнала, что с ним-то беда совсем. Окончил ПТУ, работать устроился в аптеку и попал в какую-то неприглядную историю. Год отсидел. А в тюрьме связался с наркотиками... Бедный парень! Хорошо, хоть отчим ему помогать стал. Он и на работу Пашку устраивал, и квартиру ему снимал, и денег давал.

После рождения Катьки Люська с мужем переехали в новую квартиру, дачей обзавелись, сменили «жигули» на новенькую иномарку. А для нас с отцом это были тяжелые времена. Зарплаты не платили по полгода, мы подрабатывали, как могли: днем оба в НИИ, а после работы я давала уроки математики, а отец твой таксовал, а ночью разгружал вагоны на станции. Наши с Люськой пути разошлись, как я думала, окончательно. Ты же знаешь, лет десять мы общались лишь по телефону и пару раз случайно стали кивались в автобусе».

Действительно все мое детство я слушала мамины многочисленные рассказы о знаменитой «тете Люсе», и лишь изредка видела вживую. В моём воображении она представляла собой райскую птицу: яркие богатые наряды, идеально сидящие на слегка расплывшей фигуре, резкий запах дорогих духов, круглое лицо с правильными чертами и прозрачно-голубые подведенные черным карандашом глаза.

Когда мы встречали тетю Люсю, я знала, что разговор затянется надолго. Начиналось всё с «как там твои?», затем было долгое «а помнишь, когда мы...» и заканчивалось «а знаешь, что недавно...». Ребенком я не вслушивалась в эти взрослые однообразные разговоры, но я всегда знала, что после у мамы на лице появится улыбка. И даже если эта встреча была на улице в морозный день, я молча перетаптывалась с ноги на ногу, чтобы не мешать.

Однажды тетя Люся позвонила маме, и они разговаривали около четырех часов. Я не слышала, что говорила тетя Люся, но по маминому лицу было ясно, что что-то случилось.

Через несколько дней тетя Люся появилась в нашем дворе. Она вернулась на старую квартиру вместе с четырнадцатилетней дочерью Катей. Она все еще благоухала дорогими духами, но к этому запаху добавилось еще что-то. Сейчас я понимаю, что именно так пахнет безысходность.

Её зажиточный муж встретил молодую, и утратившей свою привлекательность жене пришлось уступить тепленькое местечко новой пассии. И вот тете Люсе сорок пять, у неё дочь-подросток, сын – наркоман, и ни денег, ни специальности, ни перспективы. Она звонила маме и днем, и ночью и рыдала в трубку.

«Со временем я стала замечать, что язык ее иногда заплетается при этих звонках. Сколько я сердилась, ругалась, давала ей телефоны врачей, которые могли бы помочь, пыталась устраивать на работу – всё было без толку. Она лишь холодно отвечала: пока не переживешь это – не поймешь». – Вспоминает мама.

«Когда ушел наш, я на своей шкуре почувствовала, что такое предательство. Словно сердце вырывают из груди и бросают под копыта несущемуся навстречу табу. Словно последние пятнадцать лет жизни были какой-то дурацкой шуткой. Я поняла, отчего Люська звонит мне и снова и снова через эти разговоры проживает этот момент. А все просто: когда муж уходит, все происходит так быстро так быстро, что не успеваешь это осознать. Говорят, куры тоже сначала не понимают, когда им головы рубят – и еще наматывают круги с оторванной башкой. Эти разговоры и есть круги с оторванной башкой». – Часто говорит мама, и горькая ухмылка искривляет ее сильное, неувыдшее лицо.

Возможно, мамина безысходность не была настолько полной, мама нашла в себе силы жить дальше. Хотя почти год, едва приходя с работы, она бросалась в постель и тихо плакала до утра, а утром, умывшись холодной водой, чтобы глаза не казались такими опухшими, бежала обратно на работу.

А тетя Люся... Что ж... Дочь ее, рано выскочившая замуж, не желает иметь ничего общего с матерью-алкоголичкой, сын стал жертвой мошенников и остался без оставленной ему отцом квартиры, живет где-то в общежитии за сто первым километром и винит во всем мать. Неудивительно, что тетя Люся неделями сидит в своей комнате, пуская сигаретный дым, и запивая свою безрадостную жизнь.

Иногда у тети Люси бывают моменты просветления, она устраивается на работу то на рынок, то в секонд-хенд, делает ремонт в своей старой прокуренной двушке и сдаёт комнату. В такие периоды мама, словно окрыленная, таскает подругу по театрам, музеям и часами висит на телефоне, обсуждая то, что понятно лишь им обоим.

...На улице было уже темно. Слабый октябрьский морозный воздух заставил меня поежиться. Проходя мимо четвертого подъ-

езда, я услышала пронзительный телефонный звонок. Я взглянула на два невымытых окна на третьем этаже. Свет.

ПЕТР ЦЫПЛАКОВ

Слово о сокрытом Свете

Автор публикуется с 2015 г. На PROZA.RU опубликованы: миниатюры «Единый и Единственный», «Осенний витраж», новеллы «Зов Премудрости Божией», «Дети Солнца», «Зов Зари», «Еврейская симфония», «Притча о жаждущих», «Исцеление Любовью», «Полет», «Притча об Источнике и садовых», стихотворения «Грани Первосвета», «Вечный сад», «Пробуждение», «Прозрение», «Искреннее», «Молитва», «Радикальное братство», «Молитва простодушных», «Ностальгия», «Возвращение к Отцу», «Брату», «Утро», «Певцы Земли», «Сострадание Христу», «К Закону и ко Христу», «Крепление огнем», «Законы грамматики», «Причастие».

Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы... (Рим. 1, 20)

Свет тихой радости бытия... Откуда он? Откуда этот нежный трепет листы, напоминающий трогательный, исполненный нежности и взаимного приятия, разговор влюбленных? И, как разговор влюбленных сопровождается особо сильными вспышками чувства, страстными объятиями, поцелуями, так и через трепещущую листву время от времени прорывается СВЕТ, переводящий восприятие на совсем другой уровень, уровень озаренности от прикосновения к исполненному любви и радости Замыслу Хозяина Бытия, замыслу о предназначении всего сущего.

О Замысле Хозяина Бытия свидетельствует все, Им сотворенное. Летом, входя на заре в лес, мы слышим потрясающий хор птиц, славящих красоту, созданную Богом. В человеческом хоре слаженное пение – результат напряженной работы хористов и руководителя. А здесь кто управляет? Почему без колоссального труда на репетициях, без видимого руководства птицы так слаженно поют? Представляется, что птицами-хористами управляет тот Образ Всеобщего Единства, который буквально растворен, разлит в Природе, пронизывает и пропитывает каждую ее частичку. Он, этот Образ – отображение Божьего Единства. Конечно, есть и то, что разделяет, есть борьба, но в целом восприятие сердца ясно свидетельствует – Природа и все живущие являются Единым Творением непревзойденного, абсолютно совершенного Художника, Скульптора, Зодчего, Поэта и Музыканта, любящего лепить и рисовать, творить и сочетать живое, и оживлять умершее.

Где же престол этого Хозяина Бытия, этого Царя всех сил? Посмотрим на солнце. Несомненно, престол его власти отчасти подобен Божьему Престолу, является его отображением, тенью. В прежние времена любого земного царя особенно чествовали при въезде в столицу и при выезде из нее. Так и со славою солнца, его феерические восходы и закаты знают все. Так и Бог прославляется на заре живущими, ибо всякая тварь с надеждою встречает новый день, с надеждою на ЖИЗНЬ и МИЛОСТЬ, даруемые Им. И так же Бог славится на закате, когда живущие с надеждою встречают ночной отдых, осознанно или неосознанно славя Давящего источники восстановления сил.

Присмотримся внимательнее к восходам и закатам.

ВОСХОД. Светлеет горизонт. Туманные, неясные контуры всего сущего постепенно наполняются светом, набухают от этого света, как бутоны цветов на клумбе, с тем, чтобы потом раскрыться и предстать потрясающим цветником в Саду Божьей Славы. А в восточной части неба в этот момент разворачивается дина-

мичная свето-цветовая симфония, такт за тактом отображающая полифоничность Божьей Любви...

ЗАКАТ. Медленно скрывается солнечный диск. И чем меньше он виден, тем радостнее и фееричнее раскрашивается небо на западе. Почему? Потому что, когда скрывается солнце, этот царь всего Видимого, тогда становится гораздо доступнее и ближе Невидимое, а в Невидимом, увы, есть небезопасные области бытия. В те из них, что ближе к нам, не без нашей помощи проникло очень много не очень дружественных духов. Поэтому при наступлении времени Невидимого нам, по милости Божьей, дается видение зовущего в Царство Божие заката, как наставление для пребывания в Невидимом. Да, к счастью, эти области Божьей Славы, на которые указывает феерически расцвеченное небо, они вполне доступны внутреннему взору, как и псалмопевец Давид свидетельствует. Он говорит даже о большем, свидетельствует о доступности Света Божьей Любви буквально везде:

Пс. 138, 5-12

7 Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убежу?

8 Взойду ли на небо – Ты там; сойду ли в преисподнюю – и там Ты.

9 Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря, –

10 и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя.

11 Скажу ли: `может быть, тьма скроет меня, и свет вокруг меня сделается ночью';

12 но и тьма не затмит от Тебя, и ночь светла, как день: как тьма, так и свет.

Не удивительно поэтому, что когда-то наступит время, когда никакие преграды уже не будут стоять между живущими и Богом, и во время молитв Сам Бог будет Храмом для поклонения Ему:

Откр. 21, 22-23

22 Храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель – храм его, и Агнец.

23 И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его – Агнец.

Здесь «Агнец» – это то Божье Присутствие, которое Бог пожертвовал при начале творения мира для реализации Своего Замысла о нем. И это же Присутствие, насколько его может вместить человек, вмещено и явлено Иисусом Христом, оно же и сошло в ад за его душой после распятия, оно же и воскресило его и продолжило пребывать в нем после его воскресения... Потому кому, как не этому Божьему Присутствию, этому «агнцу, закланному от создания мира» (Откр. 13, 8), быть светильником, непрерывно живящим Светом Божьей Любви все сотворенное...

ИЗДАТЕЛЬСТВО SKLENĚNÝ MŮSTEK

Ваша книга -
здесь и сейчас!

HOROVA 12, KANCELÁŘ Č. 220
360 01 KARLOVY VARY, ČR
KONTAKT@SKLENENYMUSTEK.CZ
+420 774 799 444
+420 353 223 292

ČESKÁ HVĚZDA
- četnost vydávání - měsíčník
- místo vydávání - Karlovy Vary
- evidenční číslo z MKČR: E 20834
Vydává Skleněný můstek s.r.o.
Vítězná 37/58, Karlovy Vary
PSČ 360 09 IČO: 29123062
DIČ: CZ29123062

Все права авторов охраняются законом об авторском праве. Копирование, публикация и другое использование произведений и их частей без согласия автора преследуется по закону.

